

Советская культура
S. IV. 58

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ С ЭТОЙ ПЬЕСОЙ!

Шестнадцать лет в Киевском русском драматическом театре жила мечта о постановке пьесы «В пуще» Леси Украинки, имя которой носит коллектив. И наконец спектакль состоялся. Перед началом у подъезда вы слышите приятный вопрос «о лишнем билете», а после представления много раз дают занавес. В театральном Киеве о спектакле всюду говорят, спорят, но непременно советуют посмотреть.

Чем же объясняется подобный интерес?

Как поэтесса Леся Украинка была признана еще при жизни, но судьба ее драматургического наследства сложилась неудачно. Более пятидесяти лет почти вся драматургия Леси Украинки (за исключением «Лесной песни» и «Каменного властелина») вызывала лишь споры в среде критиков и режиссеров. Многие заявляли, что ее произведения несценичны, ссылаясь на отсутствие в них ярко выраженного динамического действия.

Но оппоненты, справедливо отмечая частности, забывали о главном: Леся Украинка первая в истории украинской драматургии попыталась создать свой философский театр.

«В пуще» (перевод с украинского А. Гатава) — произведение многотемное. Но Театр имени Леси Украинки сделал главной идеей спектакля мысль о полном раскрепощении человеческой личности, об утверждении права на свободный творческий труд.

Для этого режиссер Н. Соколов вынужден был произвести ряд купюр, порою весьма значительных. Думается, именно четкость и целенаправленность в воплощении режиссерского замысла позволили театру развеять миф о несценичности произведения.

Леся Украинка писала свою драматическую поэму много лет, в годы, предшествовавшие первой русской революцией 1905 года. Из цензурных соображений писательница вынуждена была перенести время и место действия из современной ей Украины в Америку XVII века, куда вместе с первыми колонистами, английскими пуританами, приплывает скульптор Ричард Айрон. Лучшие его годы прошли в Венеции. Однако на смену золотому веку Возрождения в Италию пришло безвременье иезуитов, труд художника перестал быть свободным, и теплое итальянское небо больше не вдохновляет его — слишком много копоти и дыма стало в воздухе от костров инквизиции.

Но и в пуще Ричард не находит себе места. Человек свободной и широкой мысли, он не может мириться с лицемерием и ханжеством буржуазной религиозной морали.

Когда английские пуритане боролись с католицизмом и королевским деспотизмом, мечтая о равенстве и свободе, Ричард Айрон готов был отдать за них жизнь. Но сегодня, переплыв океан, он понимает, что проповедник Годвинсон ничем не лучше иезуитов. Внешне

Годвинсон выгодно отличается от католических попов тем, что воюет с ними, прикрываясь именем общины. На самом же деле он еще реакционнее их.

Намечающийся в первом акте конфликт между Ричардом (артист А. Решетников) и Годвинсоном (артист Ю. Лавров) преисполнен философского смысла. Община постановила выстроить Годвинсону новый дом. Ричард отказывается подчиниться такому решению: он хочет сначала построить печь своей соседке — беспомощной женщине, погибающей вместе с детьми у него на глазах. Ричард отстаивает в споре с Годвинсоном и его другом Кэбблом право на самостоятельность мышления, на полную свободу.

...Как бы из тьмы веков появляется сначала чуть розовый, а затем упрямый светлого-малиновый огонек разгорающегося в камине пламени. Постепенно вырисовываются контуры — стол, деревянные скамьи, шкафы, статуэтки.

Художник В. Мигулько и режиссер Н. Соколов не просто находят удачное начало, но дают возможность ощутить образ всего спектакля. Точный цвет и свет, скупой отбор деталей (в оформлении преобладают сухие) позволяют театру быть лаконичным и выразительным, эмоциональным и сдержанным, наивным и мудрым, как сама пьеса Леси Украинки.

Решение второго акта логически развивает общую мысль режиссера и художника. Большая, в человеческий рост, скульптура индианки, устремленная куда-то ввысь, становится еще более символической от чистого и прозрачного широкого луча света, идущего сверху, словно от солнца. А вокруг темно и холодно... В такой световой композиции заключен глубокий смысл: подобно скульптуре, сам Ричард выглядит одиноким борцом в темной пуще фарисействующего Годвинсона.

Этот акт — кульминационный в спектакле. По обычаю пуритан, скульптура считалась одним из проявлений кощунства; люди, посвятившие себя искусству, предавались анафеме. В споре с Годвинсоном Ричард в данном случае отстаивает свое право на творчество, но театр вслед за драматургом трактует это столкновение шире — как утверждение права человека на свободу, на выявление и развитие его таланта.

Образное начало второго акта сознательно повторяется театром в момент наивысшего напряжения — в сцене суда и последовавшего за ним погрома.

Доведенный до иступления, Ричард срывает холст и обнажает перед судом старейшин свою скульптуру. На какой-то миг эти люди не смогли устоять перед силой глубочайшего эмоционального потрясения: ведь перед ними был подлинный шедевр человеческого гения. Но это только миг! Слово шипящая ядовитая змея, извивается Годвинсон, то и дело прибегая к помощи библии.

Распластавшись на земле, весь в черном, с коротко стриженными черно-серыми волосами и оттопыренными уродливыми ушами, Годвинсон, как искусный актер, начинает умолять бога о спасении. Он знает — эта сцена вызовет огромное действие на окружающих. И не ошибается. По его наускиванию община проклинает Ричарда. На глазах у скульптора разрушено его творение, а сам он изгнан.

...Через открытое окно в школе, где уже много лет учителемствует Ричард, снова, как в первом акте, проникает розовый свет. Он быстро заполняет комнату, растворяется, но становится не малиновым, как в начале спектакля, не контрастным, как в середине его, а бледно-оранжевым, вялым... Прошли годы. Силы иссякли, седина изрядно убелила шевелюру Ричарда Айрона. Он понимает трагедию своего положения — положения художника, время которого еще не настало, а жизнь уже прошла. Но Ричард не сдается. Он верит в торжество справедливости и желает своим собственным примером указать путь новому поколению, представителем которого является его племянник — юный художник Дэви.

Театр проявил большую смелость, доверив молодому актеру А. Решетникову судьбу своих многолетних замыслов. Ричард Айрон — одна из лучших работ артиста. А. Решетников обнаруживает в своем герое благородство, порывистость, искренность, мягкость, чуткость и внимательность к людям, любовь к искусству. Но ему не удается пока в полной мере поведать о тех сложных мыслях, о тех больших чувствах, которыми живет этот незаурядный человек. За внешне скромным обликом Ричарда еще не всегда чувствуется гениальность, не всегда ощущается биение его большого человеческого сердца.

Это особенно заметно в сценах с Годвинсоном. Ю. Лавров достигает в Годвинсоне такой степени философского обобщения, такой эмоциональной напряженности, что недостаток этих качеств у его партнера особенно ощутим.

Режиссер Н. Соколов верно оценивает реальное соотношение сил внутри самого спектакля. Именно поэтому он так тщательно работает не только с актерами, но и с художником, с композитором. Союзниками исполнителей становятся музыка, скульптура, свет...

Спектакль далеко не исчерпал всех возможностей произведения, хотя бы потому, что исполнитель главной роли сделал лишь первый шаг в раскрытии сложного философского образа. Но значение этой постановки тем не менее велико. Если ее успех будет способствовать новому обращению наших театров к драматургии Леси Украинки, то и тогда театр, носящий имя одной из лучших дочерей украинского народа, сможет считать свой долг выполненным.

Б. ПОЮРОВСКИЙ.

КИЕВ.